

31. Устранение анархистов из республиканского и каталонского правительств

Майские дни в Барселоне предоставили коммунистам, правым социалистам и республиканцам возможность отправить в отставку премьер-министра и военного министра Франсиско Ларго Кабальеро, одновременно исключив анархистов из республиканского правительства. Примерно месяц спустя Объединённая социалистическая партия Каталонии и «Левые республиканцы Каталонии» подобным же образом устранили НКТ из правительства Каталонии. Наряду с роспуском Совета Арагона, который мы рассматривали в главе 27, эти события практически завершили эксперимент с участием анархистов в национальном и региональных правительствах Республики.

Первые попытки смещения Ларго Кабальеро

Советские и испанские коммунисты и их союзники долго разрабатывали планы по отстранению Ларго Кабальеро от руководства республиканским правительством. Вскоре после того, как он вступил в должность, была начата подготовка к его смещению. По мере того как в Испании росло влияние советских представителей, сопровождавшее крупномасштабную военную помощь Республике, по мере того как увеличивалась численность КПИ и ОСПК и усиливалось их проникновение в гражданский и военный аппарат правительства, стремление избавиться от бывшего «испанского Ленина» становилось всё более выраженным. Наконец, конфликт в Каталонии в начале мая 1937 г. дал разнородной антикабальеровской коалиции повод открыто добиваться отставки премьер-министра.

Вальтер Кривицкий отмечает, что уже в ноябре 1936 г. ему сообщили о планах заменить Ларго Кабальеро Хуаном Негрином. Его информатором был Артур Сташевский, которого он называет «главным сталинским политкомиссаром в Испании»¹. «После разговоров со Сташевским в Барселоне в ноябре мне стали ясны дальнейшие шаги Сталина в Испании.

Сташевский не скрывал от меня, что Хуан Негрин будет следующим главой мадридского правительства. В то время Кабальеро воспринимался всеми как фаворит Кремля, но Сташевский уже указал на его преемника»².

Франц Боркенау также оставил свидетельство о первых попытках коммунистов избавиться от Ларго Кабальеро и о роли анархистов в срыве этих попыток. В записках о его втором визите в военную Испанию, в январе – феврале 1937 г., говорится:

“ «Коммунисты решили, что Кабальеро должен уйти. Они считают неудобным и в критические моменты почти невыносимым то, что группа, которая в действительности заправляет делами, не может официально и публично находиться у руля. Если замышляется резкий поворот вправо, в сторону от социальной революции – а это без сомнения так, – то его невозможно совершить, пока Кабальеро занимает высшую должность. Среди кандидатов в премьеры упоминались разные имена, в том числе Мартинес Баррио, Прието и Негрин, социалистический министр финансов. Начиная, по меньшей мере, с последней недели января хорошо осведомлённые люди говорят о кризисе в кабинете...

До сих пор из этого ничего не выходило. И это, главным образом, за счёт сопротивления анархистов. В кабинете с Прието на месте премьера или в лидирующей позиции, на месте военного министра, их участие либо стало бы невозможным, либо превратилось бы в официальное отречение от их революционной веры»³.

Джеральд Бренан подводил итоги этого кризиса в правительстве Ларго Кабальеро:

“ «Первый кризис наступил в январе. Давление коммунистов на правительство стало весьма велико, и в какой-то момент казалось, что неизбежен государственный переворот и что интернациональная бригада может двинуться на Валенсию. Но произошло объединение всех остальных партий против них, и они отступили»⁴.

Некоторые из лидеров анархистов в это время были хорошо осведомлены о намерениях коммунистов и их союзников устранить Ларго Кабальеро. Хуан Гарсия Оливер в своих мемуарах упоминает разговор, по-видимому состоявшийся в конце января или начале февраля, во время которого он сказал Ларго Кабальеро:

“ «Теперь они готовы на всё, чтобы избавиться от нас; точнее говоря, от вас, кабальеристов в партии и профсоюзной организации, и от нас, НКТ и анархо-синдикалистов. Я не знаю ни о том, какие методы они будут использовать, ни о том, с какой стороны будут направлены удары. Но вероятно, что они попытаются использовать элементы из нашего лагеря и из вашего, в качестве провокаторов...»⁵

Перед этим Гарсия Оливер упоминает любопытный разговор на ужине, на который пригласил его советский посол Марсель Розенберг незадолго до своего возвращения на родину и расстрела. Очевидно, когда они уже закончили с едой, Розенберг беззастенчиво спросил его: «Разве вы не думаете, что вы могли бы справиться гораздо лучше Ларго Кабальеро как глава правительства и военный министр?» На что Гарсия Оливер ответил:

“ «Говоря вам, я также говорю и Москве. Я прошу вас передать, что если бы в этот момент произошло изменение, которое вы предлагаете, то антифашистское единство разбилось бы, как хрусталь... Проблема, по моему мнению, не в том, кем заменить Ларго Кабальеро, а в том, как сохранить антифашистское единство. Не исключено, что изменение в руководстве правительства могло бы немного исправить ситуацию, но только если оно будет произведено по решению всех секторов, которые теперь входят в него... Я, однако, считаю, что для этого уже слишком поздно. Если бы меня поставили во главе, когда НКТ вошла в правительство или ещё когда республиканцы отказались от своего руководства, могло быть по-другому. Теперь нет. Теперь это стало бы началом катастрофы».

Гарсия Оливер размышлял по этому поводу:

“ «Означал ли мой отказ его провал в каком-то задании, данном Москвой? Возможно, самим Сталиным? Могли ли он и Антонов-Овсеенко попасть в тюрьму и получить пулю в затылок за то, что им не удалось привлечь меня на свою сторону? Могла ли эта неудача усилить подозрение в том, что они сами были привлечены на сторону испанского анархо-синдикализма?»б

Переписка Ларго Кабальеро со Сталиным

Однако в дела правительства Ларго Кабальеро вмешивались не только официальные и неофициальные представители сталинского режима в Испании. Это делал и сам Сталин.

21 декабря 1936 г. Сталин, глава советского правительства Молотов и нарком обороны Ворошилов отправили в советское посольство в Валенсии письмо, адресованное «товарищу Кабальеро». В этом письме они предполагали, что между Российской революцией 1917 года и Испанской революцией существуют важные различия и, исходя из этого, делали вывод:

“ «Весьма возможно, что парламентский путь более эффективен для революционного развития в Испании, чем в России».

Однако затем Сталин, Молотов и Ворошилов предлагали:

«В целом, мы считаем, что наш опыт, в частности опыт нашей гражданской войны, правильно соотнесённый с особыми условиями испанской революционной борьбы, может иметь значительную ценность для Испании. Ввиду этого и в свете ваших настоятельных просьб, которые передал нам товарищ Розенберг, мы решили предоставить в ваше распоряжение группу военных специалистов, которым мы поручили давать консультации в военной области тем испанским офицерам, которых вы определите».

Большой иронией, если вспомнить о том, как на самом деле вели себя эти советники, звучат слова Сталина и его соратников:

“ «Им было чётко разъяснено, что они не должны забывать о том, что... советский специалист, являясь в Испании иностранцем, может быть действительно полезным не иначе, как строго придерживаясь роли советника и только советника».

Три советских лидера просили Ларго Кабальеро сообщить им, доволен ли он той ролью, которую выполняют военные советники и посол Марсель Розенберг.

В заключение Сталин и его коллеги давали испанскому премьер-министру четыре «дружеских совета». Ему рекомендовали обращать особое внимание на проблемы крестьян, прилагать все усилия для привлечения поддержки «городской мелкой и средней буржуазии», полностью включить республиканские партии в работу правительства и, наконец, «как только представится случай, заявить в прессе, что правительство Испании не потерпит никаких покушений на собственность и законные интересы в Испании иностранцев – граждан стран, которые не поддерживают мятежников».

Ларго Кабальеро направил свой ответ «товарищам Сталину, Молотову и Ворошилову» 12 января 1937 г. Он выражал, от своего имени и от имени правительства, благодарность за советскую помощь, а также с большим удовлетворением отзывался о работе советских военных советников и посла Розенберга. Далее он говорил, что правительство полностью осознаёт важность крестьянства в определении исхода войны, что они «уважали и неоднократно подтверждали право на жизнь и развитие» мелкой буржуазии. По поводу республиканских партий он заявлял, что «абсолютно согласен с советскими руководителями». Наконец, «интересы и собственность иностранцев, граждан стран, которые не помогают мятежникам... признаны и взяты под защиту правительством»⁷.

Падение Малаги и положение Ларго Кабальеро

Коммунисты использовали взятие Малаги мятежниками 8 февраля 1937 г. как предлог, чтобы начать мощную кампанию, направленную, хотя и косвенно, против Франсиско Ларго Кабальеро. Мы отмечали в главе 8 ту настойчивость, с которой они добивались отставки его

главного военного советника, генерала Хосе Асенсио. Энрике Кастро Дельгадо, однако, указывает, что истинными целями атаки коммунистов являлись Ларго Кабальеро и анархисты.

Описав шок, который испытало республиканское общественное мнение от падения Малаги и трагического перехода беженцев до Альмерии под бомбардировкой с моря и воздуха, Кастро Дельгадо пишет:

“ «Подметив возбуждённое состояние публики, Коммунистическая партия повела свою атаку. Тонко, как и всегда. Не называя имён, но обрисовывая лица. Говоря о потере Малаги как о результате не вражеского превосходства, а некомпетентности Ларго Кабальеро и предательства генерала Асенсио. И возлагая на анархистов с Марото во главе вину за всю подрывную работу, которая велась в моменты, когда итальянские силы атаковали небольшой и красивый средиземноморский город. Партия понимала, что это военное поражение Республики приближает час её “гегемонии”. И она начала своё нападение с критики, лозунгов, народных демонстраций в важнейших городах республиканской зоны»8.

Ниже Кастро Дельгадо приводит разговор, в ходе которого Педро Чека, второе по важности лицо в Коммунистической партии, объяснил ему, какие сложности были связаны с отстранением Ларго Кабальеро.

“ «Устранение Кабальеро зависит не только от воли Партии, но и от разыскиваемых Партией союзников внутри Испанской рабочей социалистической партии и Всеобщего союза трудящихся, которые хотят избавиться от Старика. И не только: НКТ, без сомнения, будет его защищать. И поэтому будет необходимо если не убедить, то хотя бы сманеврировать НКТ, чтобы она не противодействовала всеми своими силами реорганизации или созданию нового правительства»9.

Интересной особенностью этой кампании против генерала Асенсио после падения Малаги было то, что к ней присоединились по крайней мере некоторые анархические издания. Так, передовая статья в «Рабочей солидарности» говорила:

“ «Никому так и не удалось понять, почему этот военачальник, который в прошлом был монархистом и человеком Лерруса, получил пост с такой высокой ответственностью в самый разгар социальной революции... Едва генерал Асенсио начал вмешиваться в ход войны, как одно за другим последовали военные поражения загадочного характера. С формированием правительства “победы” Ларго Кабальеро эти поражения начали превращаться в подлинные бедствия. Последовательно были потеряны Ирун, Сан-Себастьян, Талавера и Толедо. Катастрофа под Малагой до

предела обострила чувство тревоги, пронизывающее общественное мнение страны.

С самых дней 19 июля Военное министерство находилось в руках некомпетентных людей, а на фронтах – измена была тесно связана с международным фашизмом»¹⁰.

Почему коммунисты хотели сместить Ларго Кабальеро

Очевидно, что во время пребывания Ларго Кабальеро на постах премьер-министра и военного министра влияние коммунистов широко распространилось не только в вооружённых силах, но и в различных гражданских ведомствах. Премьеру не удалось предотвратить развёртывание тайной агентуры ГПУ, полностью находившейся вне контроля республиканского правительства. Он также должен был уступить в защите генерала Асенсио и во многих других вопросах, ощущая на себе давление со стороны не только испанских коммунистов, но и их советских хозяев.

Однако испанским и советским коммунистам вскоре стало ясно, что Ларго Кабальеро не собирается быть их марионеткой. Был по крайней мере один случай, когда он приказал советскому послу Розенбергу покинуть его рабочий кабинет. Это произошло во время кампании коммунистов с требованием отставки военного секретаря генерала Хосе Асенсио; по словам самого Ларго Кабальеро, главной её причиной был отказ Асенсио вступить в Коммунистическую партию¹¹.

Ларго Кабальеро описывал этот инцидент так:

“ «На следующий день не кто иной, как посол России, сеньор Розенберг, сопровождаемый Альваресом дель Вайо, явился ко мне, чтобы повторить требование комитета [Коммунистической] партии. Это было для меня слишком. Я встал со своего кресла и недипломатичным тоном попросил его уйти и больше не приходите разговаривать со мной на эту тему».

Экс-премьер сообщает ещё одну существенную деталь об этом инциденте:

“ «Я остался наедине с Альваресом дель Вайо. Я упрекнул его за то, что он идёт на поводу у коммунистов в такой момент и в таком серьёзном вопросе, как обвинение генерала в предательстве без каких-либо доказательств... Он ответил мне, что раз уж об этом начали говорить, то, даже если это несправедливо, генерала нужно устранить. Хорошая теория! Но что за люди говорили об этом? Коммунисты, и больше никто»¹².

Когда Ларго Кабальеро в конце концов был вынужден согласиться на отставку Асенсио с должности военного субсекретаря, он не назначил на его место человека, готового служить интересам коммунистов. Напротив, он назначил Карлоса де Барайбара, одного из своих ближайших соратников по Социалистической партии.

Барайбар стремился, насколько было возможно, ограничить влияние коммунистов внутри нового военного аппарата. Одним из его первых действий было снятие с должности главы военно-медицинской службы – его давнего друга, кадрового полковника и коммуниста. Барайбар обнаружил, что под его руководством госпитали, которые не контролировались коммунистами, не получали достаточного количества бинтов, препаратов и прочих материалов. Когда Барайбар указал полковнику на это обстоятельство, тот ответил, что всего лишь выполнял предписания Компартии. Вскоре он получил назначение на новую должность, где от него было меньше вреда.

Позднее де Барайбар также уволил главу службы снабжения армии. Это произошло в результате инцидента во время выступления коммунистического лидера Долорес Ибаррури на заводе, который поставлял армии копчёные окорока и другие мясные продукты. В то время как она выступала с речью перед рабочими, её товарищи по партии вынесли через заднюю дверь около 4 тысяч окороков. Когда Карлос де Барайбар решил выяснить этот вопрос, глава снабжения, консервативно-республиканский кадровый полковник, сказал ему, что коммунисты пригрозили убить его, если он не позволит им совершить этот набег¹³.

Как министр войны, сам Ларго Кабальеро принял несколько важных мер, направленных на ограничение влияния коммунистов в вооружённых силах, накануне своего отстранения:

“ «Я издал циркуляры и направил их генералам и командующим армейскими корпусами, чтобы помешать их участию в политике во время войны и указать, что все они должны ограничиваться исполнением своих военных обязанностей; что звания и повышения не имеют законной силы, если они не утверждены военным министром и не опубликованы в “Официальных ведомостях”; и что госпитали не должны включать личных имён в свои названия, а должны именоваться “Национальный госпиталь номер такой-то”, и назначение их персонала должно производиться в соответствии с требованиями войны. Если эти распоряжения не будут выполнены, они лишатся всех субсидий и субвенций».

Ещё большее потенциальное значение для ограничения влияния коммунистов в армии имела попытка Ларго Кабальеро провести чистку корпуса политкомиссаров. Эта мера вызвала бурный спор с Хулио Альваресом дель Вайо, о котором Ларго Кабальеро пишет:

“ «Он называл себя социалистом, но безоговорочно служил Коммунистической партии и содействовал всем её манёврам – без сомнения, надеясь удовлетворить свои личные амбиции».

Ларго Кабальеро описывает свою конфронтацию с генеральным политкомиссаром:

«Я вызвал Альвареса дель Вайо; я осудил его за его поведение и за двести с лишним назначений в интересах коммунистов, произведённых без моего ведома и согласия. Слушая меня, он побледнел... он ответил, что это были назначения на должности ротных комиссаров и что он произвёл их, полагая, что они входят в его компетенцию. Я показал ему закон, где говорилось, что нет никаких исключений и все приказы о назначении должны быть подписаны министром»¹⁴.

Ларго Кабальеро не упоминает о том, что он выпустил приказ, датированный 17 апреля, который гласил, что все назначения на должности политкомиссаров должны иметь его подпись и что все предыдущие назначения, которые не будут утверждены им к 15 мая, станут недействительными¹⁵.

Разумеется, сталинисты хорошо понимали смысл этого приказа. Это видно из комментариев американского коммуниста-интербригадовца Джо Даллета, который во время обучения в школе политкомиссаров писал своей жене:

“ «Школа становится особенно важной величиной ввиду нынешней политической ситуации, когда Кабальеро склоняется вправо и требует отстранения всех политических комиссаров, кроме назначенных им самим. Это, конечно, явный выпад против нашей партии. Правые элементы в правительстве боятся нашего влияния в армии, которое растёт стремительными темпами».

Безусловно, постоянные стычки Ларго Кабальеро и его единомышленников с коммунистами (испанскими и советскими) убеждали последних в том, что Ларго Кабальеро является серьёзным препятствием на пути к полному контролю над испанским республиканским правительством. Другим фактором были укрепляющиеся связи между премьер-министром и анархистами, входившими в его кабинет. В одной из предыдущих глав мы отмечали тесное сотрудничество между Франсиско Ларго Кабальеро и Хуаном Гарсией Оливером, а также между Карлосом де Барайбаром и Хуаном Лопесом. Ларго Кабальеро совместно с Гарсией Оливером удалось предотвратить назначение коммунистических политкомиссаров в школы подготовки офицеров, за работой которых наблюдал министр юстиции. Также мы отмечали договорённость между военным министром и НКТ, согласно которой, когда анархические соединения милиции преобразовывались в бригады и дивизии регулярной армии, они оставались под командованием анархических офицеров.

Однако существовали и другие причины, которые заставляли коммунистов добиваться смещения Ларго Кабальеро. Одной из них было то, что Ларго Кабальеро и его сторонники в Социалистической партии и ВСТ, как и анархисты, считали, что победа в гражданской войне неразрывно связана с победой революции, которая началась в лоялистской Испании после 19 июля 1936 г. Хотя во время своего пребывания на посту премьер-министра Ларго Кабальеро пытался, и успешно, восстановить власть государства, он также принял важные меры для защиты революции, такие как легализация Совета Арагона и совместная работа с министрами-анархистами по оказанию некоторой помощи рабочим коллективам в различных

частях Республики.

Позиция фракции Ларго Кабальеро, возможно, лучше всего была сформулирована Карлосом де Барайбаром на совместном митинге ВСТ и НКТ в Валенсии 1 мая 1937 г.:

“ «Часто кто-нибудь пытается отвлечь внимание пролетариата, говоря ему, что он должен сосредоточиться исключительно на победе в войне, поскольку она станет путём к победе революции. Это неверно, потому что может случиться так, что мы выиграем в войне и затем проиграем в революции...»¹⁶

Такого рода позиция, конечно, полностью противоречила позиции сталинистов, которые изначально были настроены на подавление революции.

Наконец, коммунист Хесус Эрнандес, который был министром образования в правительстве Ларго Кабальеро, в своих мемуарах, написанных через несколько лет после его отхода от сталинистов, утверждает, что причиной смещения испанского премьер-министра было его тайное согласие на британо-французское предложение по возможному прекращению Гражданской войны.

Не называя точной даты (хотя по некоторым признакам можно судить, что это было в январе или феврале 1937 г.), Эрнандес говорит, что британцы и французы хотели предложить Гитлеру и Муссолини, чтобы те перестали поддерживать Франко и рекомендовали ему заключить мир с Республикой – в обмен на то, что Испания разделит с Италией контроль над своей частью Марокко, а Германии будет возвращена её бывшая колония в Камеруне. Британцы и французы изложили это предложение Луису Аракистайну, испанскому послу во Франции, а также другу и политическому сподвижнику Ларго Кабальеро, и тот передал его премьер-министру. Согласно Эрнандесу, Ларго Кабальеро согласился в пробном порядке принять эту идею к осуществлению¹⁷. Сальвадор де Мадарьяга подтверждает согласие правительства Ларго Кабальеро пойти на эти уступки, данное Франции и Британии¹⁸.

Если верить Хесусу Эрнандесу, слухи о намечавшемся предложении вскоре дошли до советского правительства, и Сталин был в ярости. Он боялся, что прекращение испанской Гражданской войны и раздел влияния в Средиземноморье со странами Оси устранят главные проблемы, которые могли вызвать войну между Союзниками и Осью, и что это развяжет Гитлеру руки для нападения на СССР. По словам Эрнандеса, именно в этот момент Сталин передал испанским коммунистам, что «Ларго Кабальеро должен покинуть правительство»¹⁹.

Одна из иностранных газет, «Écho de Paris» в номере от 17 мая, называла ещё одну цель плана сталинистов по устранению Ларго Кабальеро – вывод анархистов из республиканского правительства.

“ «Директивы из Москвы предписывают удалить четырёх министров-анархистов, Гарсию Оливера, Хуана Пейро, Федерику Монсень и Ф. Лопеса

[так в тексте], из правительства. Это, по-видимому, основной мотив кризиса. Если это будет достигнуто, можно будет сказать, что Москва получила то, чего она хотела...»²⁰

Луис Аракистайн утверждает, что в недели, предшествовавшие отставке Ларго Кабальеро, советское правительство оказывало на него давление, сокращая объемы поставок в Испанию, и так же оно поступило годом позднее, чтобы сместить министра обороны Индалесио Прието, – в обоих случаях советская помощь значительно увеличилась, когда цель коммунистов была достигнута²¹.

Сроки смещения Ларго Кабальеро

Существовала ещё одна проблема, которая побудила коммунистов вызвать отставку Ларго Кабальеро именно в это время. Это было предложение провести крупное наступление республиканских сил в Эстремадуре, которое в случае успеха сделало бы положение премьер-министра практически непоколебимым.

Ларго Кабальеро так описывает это наступление, которое планировалось начать 16 мая 1937 г.: «Операцию следовало открыть атакой на Пеньярройю, захватить железную дорогу от Кордовы до Эстремадуры и войти в этот регион, перерезав коммуникации с провинцией Мадрид. В это же время другое наступление по направлению на Гуадалупе должно было перерезать шоссе возле Мадрида». Он говорит, что в операции должно было участвовать 40 тысяч человек.

Бывший премьер пишет, что, когда он передал это предложение советским специалистам, «которые каждый день приходили поговорить о войне», те не выдвинули никаких возражений. Вместо этого они предложили имена командующих бригадами, одних коммунистов, которые должны были руководить наступлением. «...Главный штаб и я уже назначили людей на эти командные посты...»²²

Ввиду последующего отношения советских военных, можно задаться вопросом: было ли осуществимо наступление, запланированное Ларго Кабальеро. Однако Бернетт Боллотен ссылается на профранкистского историка республиканской Народной армии Рамона Саласа Ларрасабалю (по данным которого в наступлении должно было участвовать 100 тысяч человек, а не 40), оценивавшего вероятность успеха как «весьма высокую»²³. Хуан Лопес, член кабинета Ларго Кабальеро от НКТ, подтверждает, что республиканские военачальники возлагали на это наступление большие надежды²⁴.

Так или иначе, в итоге советские специалисты решительно выступили против наступления в Эстремадуре. Хесус Эрнандес описал совещание в Алькала-де-Энаресе у генерала Г. Кулика, военного советника на Центральном фронте, во время которого было принято это решение. Присутствовали не только советские офицеры, но и двое коммунистов – членов кабинета Ларго Кабальеро, а также представители Коминтерна Пальмиро Тольятти и Викторико Кодовилья²⁵.

После застолья Кулик сказал собравшимся, что, прежде чем приступить к делу, они должны дождаться пакета из советского посольства в Валенсии. Когда курьер доставил пакет и находившееся в нём сообщение было расшифровано, Кулик объявил:

“ «Москва уведомляет нас о том, что операция в Эстремадуре не может быть проведена».

За этим последовало продолжительное обсуждение, во время которого, по словам Эрнандеса, он и Висенте Урибе выступили в поддержку предложенного наступления, на том основании, что войска Франко в этой области были слабыми и наиболее уязвимыми и республиканская армия могла рассчитывать на значительную поддержку со стороны местного населения. Одновременно Эрнандес утверждал, что наступление на Брунете, под Мадридом, предложенное в качестве альтернативы генералом Куликом, поставит республиканские силы в невыгодное положение, поскольку им придётся штурмовать основательно укрепленные позиции и, даже если они одержат победу, они не смогут коренным образом изменить ситуацию на фронте.

Эти доводы, естественно, не подействовали на Кулика и представителей Коминтерна. Эрнандес говорит: «Гибель “Плана Кабальеро” была предрешена». Тольятти заявил, что, если Ларго Кабальеро будет настаивать на выполнении своего плана, «всегда найдутся способы заставить его отказаться от этого»²⁶.

Эрнандес утверждает, что возможность успеха данного наступления не повлияла на решение коммунистов, советских и испанских, сместить Ларго Кабальеро – это решение уже было принято. Однако ясно, что советские специалисты действительно упорно противились этому наступлению и что отставка правительства Ларго Кабальеро предотвратила его проведение.

Ещё до начала правительственного кризиса коммунисты прилагали все усилия, чтобы сорвать наступление в Эстремадуре. С одной стороны, они действовали через генерала Миаху, который к тому времени если и не вступил в их партию, то во всяком случае полностью находился под их влиянием. Он категорически отказывался снять с Мадридского фронта две закалённых бригады (и заменить их двумя другими, с менее опытным составом), как приказал ему военный министр, и уступил лишь тогда, когда Ларго Кабальеро на заседании кабинета пригрозил отправить его в отставку. Затем, когда Ларго Кабальеро отправил «фактическому командующему авиацией» письменный запрос о том, какое количество самолётов будет предоставлено для наступления, тот ответил ему, что может выделить только десять машин – смехотворная цифра, учитывая масштаб планируемого наступления²⁷.

Ларго Кабальеро объясняет, в чём заключалась роль «фактического командующего» испанскими воздушными силами:

“ «Авиацией руководил русский командующий, хотя официально на это место был поставлен испанец. Республика платила за материалы, и русские

считали, что у них есть право наблюдать за набором и обучением пилотов и даже решать, выполнять или нет приказы об отправке авиации на какой-либо фронт... Главный штаб приказывал отправить авиацию... Прието передавал это официальному командующему авиацией, а тот – русскому командующему, и было не счесть случаев, когда воздушные силы не предоставлялись»²⁸.

Возможно, наиболее исчерпывающее объяснение того, почему коммунисты взяли курс на смещение главы правительства, дал Энрике Кастро Дельгадо:

“ «Ларго Кабальеро – это была битва и неизбежная победа, чтобы не только выиграть войну, но и быть уверенными в её исходе; это была цель, о которой коммунисты не говорили, но которая была ясна каждому из них: похоронить Вторую республику и положить начало новой республике, характер которой был определён классиками марксизма»²⁹.

Окончательное решение об отстранении Ларго Кабальеро

Согласно Хесусу Эрнандесу, официальное решение о необходимости отставки Ларго Кабальеро было принято на заседании Политбюро Коммунистической партии Испании в Валенсии в начале марта 1937 г. На этом заседании присутствовали члены Политбюро: генеральный секретарь Хосе Диас, сам Хесус Эрнандес, Долорес Ибаррури, Висенте Урибе, Антонио Михе и Педро Чека; не было лишь Педро Мартинеса Картона, который находился на фронте в Эстремадуре. Кроме того, присутствовали коминтерновские делегаты Борис Степанов, Викторико Кодовилья, Эрнэ Герё, Пальмиро Тольятти и Андре Марти, советник и поверенный в делах советского посольства Гайкис и ещё один советский представитель, в котором Эрнандес узнал Александра Орлова. Таким образом, иностранцев на этом заседании было больше, чем испанцев. (Орлов отрицал своё участие в этом заседании. Бернетт Боллотен предположил, что в действительности это мог быть не Орлов, глава ГПУ в Испании, а его заместитель Беляев³⁰.)

Заседание Политбюро проходило бурно. Согласно Эрнандесу, он и Хосе Диас решительно выступили против любых попыток смещения Ларго Кабальеро, указывая, что при его правительстве партия добилась больших успехов, что его отставка вызовет раскол «антифашистского фронта» и что подобная попытка может привести к изоляции коммунистов. Дело едва не дошло до драки между Хосе Диасом и Андре Марти.

Пока говорили представители Коминтерна и СССР, ни один из членов испанского Политбюро не решался высказаться. Степанов нападал на премьера и военного министра, говоря, что он вызывает «катастрофу за катастрофой». Гайкис, по-видимому, обозначил истинную причину этого политического хода, сказав:

«Кабальеро выходит из-под советского влияния. Несколько дней назад он чуть ли не вышвырнул Розенберга из кабинета премьера... Розенберг настоятельно просил закрыть “Борьбу”... запретить ПОУМ, но он не обратил на это никакого внимания...»

Когда стало ясно желание коминтерновской и советской делегаций, всё испанское Политбюро согласилось с этой «линией». Диас и Эрнандес сказали, что подчинятся решению партии, но дали понять, что по-прежнему считают его ошибочным. Пальмиро Тольятти, «тяжёлая артиллерия делегации», ответил им двоим:

“ «Не стоит тратить время на сомнения, выраженные Диасом и Эрнандесом в отношении “Дома” [Кремля]. Это значило бы признать, что здесь могли быть серьёзные основания для дискуссии, а такое недопустимо. Я думаю, что остальным всё предельно ясно. Предлагаю немедленно начать кампанию по ослаблению позиций Кабальеро». Затем, с непередаваемой иронией, Тольятти добавил: «Мы должны начать с большого митинга в Валенсии, где товарищ Эрнандес выступит с речью. Это произведёт огромный политический эффект – то, что министр Кабальеро выступает против премьера»³¹.

Эрнандес склонился перед партийной дисциплиной и через несколько дней произнёс яростную речь против Ларго Кабальеро. Премьер-министр отправил министра образования в отставку, но когда он попросил Политбюро Коммунистической партии выбрать нового министра, оно отказалось, и Ларго Кабальеро был вынужден оставить Эрнандеса на посту. Эрнандес отмечает:

“ «После этой уступки партийный агитпроп заработал в полную силу. Несколько недель оказалось достаточно, чтобы этот политический колосс был разорван в клочья, чтобы его убрали из власти, как убирают на чердак ненужный предмет мебели. Кабальеро был повержен»³².

Начало правительственного кризиса

Президенту Мануэлю Асанье сообщили о грядущем смещении Ларго Кабальеро незадолго до того, как оно произошло. Когда он прибыл в Валенсию из Барселоны после Майских дней, его ждали представители «Левых республиканцев», правых социалистов и коммунистов, которые сказали ему, что они сыты по горло политикой Ларго Кабальеро и что коммунисты собираются вызвать кризис на следующем заседании кабинета, потребовав ухода Ларго Кабальеро с поста военного министра³³.

Крушение кабинета Ларго Кабальеро – а вместе с ним и устранение анархистов из республиканского правительства – началось 13 мая 1937 г. На заседании кабинета, проходившем в этот день, Ларго Кабальеро вначале дал отчёт о «разрешении» кризиса в Барселоне. Затем, по свидетельству Ларго Кабальеро, министры-коммунисты «предложили

распустить Национальную конфедерацию труда и Партию марксистского единства (ПОУМ) – троцкистов, которые объединились с синдикалистами, чтобы напасть на Объединённую социалистическую партию (коммунистов)».

Ларго Кабальеро далее отмечает: «Я ответил, что это невозможно сделать по закону; что до тех пор, пока я являюсь председателем правительства, этого не случится, поскольку я пятьдесят лет боролся за политические и профсоюзные свободы не для того, чтобы теперь запятнать свою биографию правительственным распоряжением о роспуске какой-либо организации, анархистской, коммунистической или социалистической, республиканской или любой другой тенденции; что если суды решат, что было совершено преступление, заслуживающее роспуска, то они вынесут такое постановление, но никак не правительство». После этого, согласно Ларго Кабальеро, министры-коммунисты, «те, у кого на устах всегда было слово “демократия”, возмутились и подали в отставку, поднялись и ушли». Премьер-министр закрыл заседание³⁴.

Согласно воспоминаниям Ларго Кабальеро, он отправился к президенту Мануэлю Асанье и подал прошение об отставке. На следующее утро Асанья предложил ему отменить свою отставку и продолжать подготовку наступления в Эстремадуре. Но когда Ларго Кабальеро согласился и уже собирался выехать на фронт, три министра-социалиста, Рамон Ламонета, Хуан Негрин и Анастасио де Грасия, пришли к нему, чтобы сообщить, что, ввиду отставки двух министров-коммунистов, Исполнительная комиссия Социалистической партии дала им указание также подать в отставку, что они и сделали³⁵. Таким образом, смена правительства стала неизбежной, как и отсрочка – фактически отмена – эстремадурского наступления.

Хосе Пейратс даёт несколько иное описание того, как начался кризис. Отметив отказ премьер-министра принять меры против ПОУМ и НКТ и уход двух министров-коммунистов, Пейратс пишет, что Ларго Кабальеро объявил: «Заседание Совета министров продолжается». «И тогда случилась престранная вещь: один за другим большинство министров, включая Прието, Негрина, Альвареса дель Вайо, Хиралья и Ирухо, поднялись и вышли. На своих местах остались лишь председатель Совета, Анастасио де Грасия, Анхель Галарса и четверо министров от НКТ».

После этого, согласно Пейратсу, Кабальеро заявил: «В данной ситуации мы стоим перед кризисом». Министры от НКТ предложили перейти к делам, стоявшим в повестке, на что Ларго Кабальеро ответил: «Это была бы диктатура. Я не хочу быть диктатором»³⁶. Хуан Лопес и Федерика Монсень, которые присутствовали на заседании 13 мая, излагают ту же версию событий³⁷.

Анархисты и правительственный кризис

Независимо от того, когда официально начался кризис, 13 или 14 мая, на второй день четыре сэнэтиста, входивших в кабинет Ларго Кабальеро, уже не были министрами. В этот

день они пришли на заседание Национального комитета НКТ, чтобы выработать предложения для президента Асаньи (который, следуя парламентскому обычаю, проводил консультации со всеми группами, участвовавшими в предыдущем кабинете). На заседании решили, что следует убедить президента вновь поручить Ларго Кабальеро сформировать правительство. Вскоре президент сделал это³⁸.

НКТ обещала Ларго Кабальеро свою поддержку. Мариано Васкес, национальный секретарь НКТ, призывал создать «правительство на профсоюзной основе, председателем которого, безусловно, должен быть Ларго Кабальеро». Ежедневник НКТ «Социальная кузница» в Валенсии опубликовал его биографию и портрет с подписью: «Ларго Кабальеро, ведущая фигура иберийской революции, с действиями которого, как главы правительства и военного министра, НКТ солидарна»³⁹.

15 мая Ларго Кабальеро представил своё предложение по новому кабинету, в котором три портфеля получал ВСТ (включая премьерство и национальную оборону) и по два портфеля – Коммунистическая партия, Социалистическая партия, Республиканский союз, «Левые республиканцы» и НКТ⁴⁰. Очевидно, Ларго Кабальеро не консультировался ни с коммунистами, ни с НКТ по поводу этого предложения.

Гарсия Оливер в своих мемуарах утверждает, что НКТ согласилась на сокращение своих мест в кабинете с четырёх до двух⁴¹. Однако Бернетт Боллотен цитирует статью в «Социальной кузнице», которая показывает, что, хотя НКТ не стремилась увеличить своё представительство в правительстве, она определённо не могла смириться с его сокращением, тем более что это уравнивало её с Коммунистической партией – виновницей кризиса⁴². Хосе Пейратс отмечает, что НКТ (так же как Коммунистическая и Социалистическая партии) «решительно отказалась участвовать»⁴³.

В итоге Ларго Кабальеро не удалось сформировать новый кабинет. Пальмиро Тольятти, сообщая руководству Коминтерна об отставке левосоциалистического премьер-министра, называл её «победой Коммунистической партии»⁴⁴.

Выдвижение Хуана Негрина

Когда Франсиско Ларго Кабальеро потерпел неудачу при попытке организовать новый кабинет, президент Мануэль Асанья обратился с этим поручением к Хуану Негрину, который почти сразу же добился успеха. Новое правительство включало в себя правых социалистов, коммунистов и членов «Левых республиканцев», Республиканского союза, Баскской националистической партии и «Левых республиканцев Каталонии». Ни ВСТ, ни НКТ не были представлены в правительстве Негрина⁴⁵.

Нет сомнений в том, что Хуан Негрин прежде всего был ставленником Коммунистической партии (и её советских и коминтерновских наставников). Мы отмечали, что ещё в ноябре 1936 г. его называли преемником Ларго Кабальеро. Однако окончательный выбор в пользу Негрина, по-видимому, был сделан на мартовском заседании Политбюро КПИ, где решался вопрос об отставке Ларго Кабальеро.

Хесус Эрнандес приводит слова Тольятти на этом заседании:

“ «Существует практическая проблема относительно преемника Кабальеро, над которой я предлагаю поразмыслить товарищам. Я думаю, его следует выбрать методом исключения. Прието? Вайо? Негрин? Из этих троих можно оставить Негрина. Он не антикоммунист, как Прието, и не так глуп, как Вайо»⁴⁶.

Далее Эрнандес отмечает:

“ «Предполагаю, из чистой формальности (выбор был сделан без каких-либо консультаций с нами), мне поручили переговорить с доном Хуаном Негрином, чтобы предложить ему нашу поддержку, если он согласится занять председательский пост в новом правительстве». Эрнандес пригласил Негрина к себе в Министерство образования. Обсудив с Негрином правительственный кризис, Эрнандес сказал ему: «Политическое бюро моей партии хочет предложить президенту вашу кандидатуру на пост премьер-министра».

Вначале Негрин сослался на то, что он не был популярен. Затем он сказал Эрнандесу: «Я не коммунист». Эрнандес ответил: «Тем лучше. Если бы вы были коммунистом, мы не могли бы предложить вас на место председателя Совета [министров]. Мы хотим председателя, который является другом коммунистов... не больше, но и не меньше...»

Когда Негрин заявил Эрнандесу, что он не хотел бы, чтобы его изображали «подставным лицом» коммунистов, Эрнандес уверил его в том, что их «поддержка будет настолько же осмотрительной, насколько она решительна и полна уважения». Но он добавил: «Одного нельзя избежать – вас будут называть “попутчиком коммунистов”». Этого особенно следовало ожидать в случае, если Негрин согласен с военной политикой коммунистов, на что Негрин ответил: «В целом я солидарен с ней»⁴⁷.

Негрину суждено было оставаться верным союзником коммунистов до самого конца.

Отношение анархистов к формированию правительства Негрина

В те дни, когда Ларго Кабальеро пытался найти способ сохранить свой пост, анархисты ясно дали понять, что они не станут участвовать в правительстве, которое не будет возглавляться Ларго Кабальеро как премьер-министром и военным министром. Поэтому они отказались войти в правительство Хуана Негрина.

Как только стал известен состав нового правительства, НКТ публично объявила о своём отказе от какого-либо сотрудничества с ним. Её обращение от 18 мая гласило:

“ «Так как правительство Негрина составлено без нашего участия, соответствующего нашему положению, мы не будем предлагать ему никакого сотрудничества. В этот момент мы лишь даём знать пролетариату, организованному в НКТ, что теперь больше, чем когда бы то ни было, он должен обращать внимание на лозунги ответственных комитетов. Только согласованными действиями мы сможем остановить контрреволюцию... Товарищи, будьте внимательны к лозунгам ответственных комитетов! Не позволяйте никому поддаваться на уловки провокаторов! Спокойствие! Твёрдость и единство! Да здравствует союз профессиональных организаций!»⁴⁸

Однако, как писал много лет спустя сын Орасио Прието:

“ «Многие лидеры были несогласны с этим решением. Они настаивали на том, что нельзя вредить интересам НКТ из-за гордости, при полном отсутствии политического реализма, защищая старого лидера ВСТ, который всю свою жизнь таил враждебность к анархо-синдикализму и который показал свою неблагодарность, предложив Конфедерации, оказывавшей ему сильнейшую поддержку против Индалесио Прието и коммунистов, только два министерства. Зачем, говорили они, подвергать риску свободу действий, приобретённую с таким трудом? Зачем уступать поле боя злейшим врагам НКТ?»⁴⁹

Очевидно, Орасио Прието был одним из тех, кто считал неучастие НКТ в правительстве Негрина серьёзной ошибкой. Позднее он писал:

“ «Новый председатель Совета [министров] предложил НКТ три министерства, которые с политической точки зрения были более важными, чем четыре принадлежавших им ранее; но личность председателя пришлась НКТ не по душе, и она отказалась сотрудничать. Через год она участвовала в том же самом правительстве, с одним-единственным министерским местом и с председателем, нисколько не изменившим своих прежних привычек»⁵⁰.

Некоторые признаки указывают на то, что элементы внутри анархического движения рассматривали возможность переворота с целью свержения правительства Негрина. Согласно Теренсу М. Смитсу:

“ «Где-то в 1937 г., вероятно после Майских дней, внутренняя организация либертарного движения составила план государственного переворота, включавший оценку их сил в большинстве важных городов в тылу...

Недостаток информации об Альмерии и Абасете заставляет думать, что, хотя это была работа национального секретаря по статистке, она выполнялась не через официальную НКТ»51.

Со своей стороны, Пальмиро Тольятти сообщал московским руководителям Коминтерна 15 сентября 1937 г.: «...В эти дни ходили слухи о подготовке анархистского путча... Несколько дней назад мы получили конфиденциальную информацию о том, что анархисты, совместно с элементами V колонны, готовят восстание на 14-е и 15-е числа месяца... В действительности произошло нечто очень странное. Похоже, что в то же самое время, когда нас предупредили о надвигающемся восстании анархистов, анархисты получили информацию, что коммунисты запланировали выступление, также в ночь с 14-го на 15-е. Они также приняли меры предосторожности...»52

Анархисты во временном правительстве Каталонии

За устранением анархистов из республиканского правительства вскоре последовало их исчезновение из правительства Каталонии. В разгар вооружённого конфликта в Барселоне и других каталонских городах, 5 мая 1937 г., действующее правительство Хенералидада Каталонии ушло в отставку. Его место заняло временное правительство, которое должно было исполнять обязанности, как пишет Сесар Лоренсо, «до восстановления нормального течения общественной и политической жизни» в регионе53.

По первоначальному замыслу, правительство (названное Исполнительным советом Хенералидада) должно было возглавляться президентом Луисом Компанисом и включать в себя региональных секретарей НКТ, ОСПК, Союза рабасайрес и ЭРК. Однако, как мы отмечали, секретарь ОСПК Антонио Сезе был убит на улицах Барселоны вскоре после назначения, и его место занял Рафаэль Видьелья.

Трое из четырёх членов Исполнительного совета имели по несколько портфелей. Секретарь НКТ Валерио Мас отвечал за экономику, общественные службы и здравоохранение; Рафаэль Видьелья контролировал общественный порядок, юстицию и труд; а Хоакин Поу из Союза рабасайрес получил департаменты снабжения и сельского хозяйства. Только Карлос Марти Фесед из «Левых республиканцев Каталонии» имел один портфель – советника по финансам54.

У Валерио Маса основные проблемы возникли в области экономики. Больше всего его беспокоил недостаток сырья в каталонской промышленности. Однажды два крупнейших химических завода, производивших сырьё, подверглись бомбардировке; один из них не подлежал восстановлению, на другом рабочие не хотели приступать к ремонту, так как боялись, что после открытия завод снова попадёт под бомбардировку. Однако Масу удалось вернуть завод в работу.

В течение полутора месяцев работы в правительстве Мас сотрудничал с Советом экономики, и их отношения в целом складывались благоприятно. В этот период Совет всё ещё следовал общим принципам политики НКТ55.

Однако, независимо от успехов Валерио Маса в руководстве каталонской экономикой и защите рабочего контроля, НКТ в последние полтора месяца своего участия в каталонском правительстве понесла тяжёлые потери в политической сфере. Бернетт Боллотен отмечает, что 4 июня советник по общественной безопасности официально распустил контрольные патрули, созданные после 19 июля 1936 г. и по большей части находившиеся под влиянием НКТ56.

Боллотен продолжает:

“ «Если роспуск патрулей был тяжелым ударом по НКТ и ФАИ, то не меньшим ударом оказалась утрата ими власти в многочисленных посёлках и сёлах. 15 мая революционные комитеты – которые до тех пор существовали вопреки декрету Хенералидада от 9 октября 1936 г., предусматривавшему их замену муниципальными советами, где места между различными организациями распределялись пропорционально их представительству в кабинете, – были объявлены незаконными каталонским правительством. В действительности многие из этих комитетов были разогнаны вновь прибывшими гвардейцами и карабинерами ещё до того, как они были поставлены вне закона в середине мая»⁵⁷.

Уход анархистов из каталонского правительства

26 июня с общего согласия всех элементов, представленных в каталонском кабинете, был объявлен «правительственный кризис» – иначе говоря, было решено, что правительство должно быть реорганизовано. В следующие несколько дней проходили переговоры между Луисом Компанисом и различными политическими и профсоюзными группами.

Через день после отставки кабинета из четырёх человек «Рабочая солидарность» опубликовала передовую статью следующего содержания:

“ «Необходимо срочно составить Совет Хенералидада, но не нарушая законных прав ни одной из сторон. НКТ известно о попытках задеть её, уменьшив количество представителей, и она с сознанием своего долга и тревогой напоминает о том, что это не лучший способ укрепить основы, на которых должен покоиться новый правительственный курс взаимного уважения, если мы действительно желаем выиграть войну»⁵⁸.

На переговорах предварительно было решено, что в новый кабинет должны входить три представителя от НКТ, три от ОСПК, три от ЭРК и один от Союза рабасайрес и что им должен руководить президент Луис Компанис, без назначения премьера. Также было решено, что советниками от НКТ станут Роберто Альфонсо Видаль – по здравоохранению и социальному обеспечению, Хуан Гарсия Оливер – по общественным службам и Жерминаль Эсглеас – по экономике. Видаль был выдвинут вместо Хосе Шены, сравнительно неизвестного члена ФАИ, против кандидатуры которого возражал президент Компанис.

Во время переговоров президент Компанис предложил назначить одиннадцатого члена кабинета – Педро Боска Жимперу из партии «Каталонское действие». Представители НКТ выступили против, хотя национальный секретарь Мариано Васкес рекомендовал им не занимать непримиримую позицию по данному вопросу, и поскольку Компанис не стал настаивать, они решили, что он отказался от этой идеи.

Наконец, 29 июня был опубликован список членов нового каталонского кабинета. Он содержал десять имён, которые были согласованы на переговорах, но также включал доктора Боска Жимперу в качестве советника без портфеля. Решение о его назначении было принято президентом Компанисом без согласия НКТ.

НКТ резко возражала против включения Боска Жимперы в кабинет. В обращении, изданном 30 июня, Региональный комитет отмечал:

“ «Когда казалось, что политическая проблема решена, и когда Региональная конфедерация труда Каталонии назвала имена людей, которые должны были представлять её в Совете Хенералидада, конфедеральная организация Каталонии была поставлена перед свершившимся фактом – списком нового правительства, в котором есть советник без портфеля, на что наша организация не давала своего согласия, а напротив, выступала против такого состава с первой минуты переговоров по поводу кризиса...»

Далее в обращении говорилось:

“ «Поскольку это выглядело как манёвр, акт нелояльности, Региональная конфедерация труда Каталонии ясно выразила президенту Хенералидада своё категорическое несогласие с этим назначением, но президент Хенералидада объявил, что не отменит его...»⁵⁹

Лидеры НКТ подкрепили свои протесты тем, что три их советника в новом кабинете отказались приступать к исполнению обязанностей. Как следствие, через пять дней президент Компанис объявил о формировании другого кабинета, без участия НКТ.

Это правительство оставалось у власти вплоть до захвата Каталонии силами Франко⁶⁰.

По некоторым признакам можно заключить, что президент Компанис сознательно предпринял этот манёвр, чтобы заставить анархистов отказаться от продолжения работы в

его правительстве. Ещё до того, как начались переговоры о новом кабинете, «Бюллетень НКТ-ФАИ» опубликовал отрывки «тайного политического доклада» ОСПК, который предсказывал правительственный кризис и говорил:

“ «При этом участие НКТ в правительстве будет допущено, но на таких условиях, что сама НКТ посчитает себя обязанной отказаться от сотрудничества, и таким образом, мы предстанем перед общественным мнением как единственные, кто желает сотрудничать со всеми секторами. Если в этой ситуации кто-то проявит упорство, то это будем не мы, а те, кто в других случаях придерживался такой же позиции»61.

Сесар Лоренсо раскрывает значение выхода анархистов из каталонского правительства:

“ «Либертарии поняли, что каталонисты и коммунисты решили отстранить их от власти и, испытывая отвращение к политическим махинациям, вышли из Совета Хенералидада... Говоря начистоту, они не только устали от бесчисленных интриг и коварных уловок, к которым их вряд ли подготовили их идеология и привычки революционных бойцов, но и осознали, что каталонское правительство было не больше чем фасадом, что единственной реальной властью было правительство Негрина...

Все эти интриги с бóльшим или меньшим количеством министерских портфелей были лишь внешним, поверхностным проявлением крайне тяжёлой борьбы. Это был конфликт между анархистами и коммунистами, тот конфликт, который был главным фактом внутренней истории Республики в течение всей Гражданской войны. Отстранив от власти элементы, наименее враждебные к НКТ (левых социалистов и, в Каталонии, антисталинских марксистов), устранив саму НКТ из центрального правительства, сталинисты поставили ещё одну точку над “i”: вытеснили либертариев из Хенералидада. ОСПК теперь была хозяйкой в Каталонии, а КП – в остальной Испании, но лишь в той степени, в какой эти партии контролировали государственный механизм и значительную часть ВСТ. Им ещё предстояло искоренить анархо-синдикализм там, где он по-прежнему имел внушительные силы: на улицах, на фабриках и заводах, в аграрных коллективах и на фронте»62.

Версия #1

Зверобой создал 11 мая 2025 15:18:34

Зверобой обновил 11 мая 2025 15:28:51